

# Правда и мифы об изменениях в русской орфографии

(на материале прессы 2000–2002 гг.)

Елена Арутюнова

В статье рассматривается влияние СМИ на определение языковой политики государства и посредством ее – на жизнь языка. Для этого реальные предложения Орфографической комиссии сопоставляются с тем, как они были представлены и оценены в российской прессе первого десятилетия XXI в.

Ключевые слова: реформа орфографии, реформа языка, языковая политика, орфографическая комиссия.

Конец прошлого века в России был ознаменован многочисленными реформами в различных областях. Одно из направлений, где готовились изменения, – русское правописание. С конца 1980 гг. Орфографическая комиссия (ОК) при Институте русского языка РАН под председательством Д.Н. Шмелева, затем Ю.Н. Караулова, с конца 2000 г. – В.В. Лопатина по поручению АН занималась подготовкой проекта нового свода правил русского правописания. В начале 2000 гг. были все предпосылки на базе созданного проекта принять закон, который заменил бы собой Правила орфографии и пунктуации 1956 г.

Однако общественность увидела в деятельности лингвистов посягательство на языковые традиции и чрезвычайно эмоционально, далеко не всегда с объективными доказательствами высказалась категорически против каких-либо изменений в области языка. Дискуссия между сторонниками ОК и их противниками активно велась на страницах печатных СМИ разной направленности, составив своеобразный полемический дискурс.

Похожая ситуация сложилась в начале 1964 г., когда ОК под председательством В.В. Виноградова разработала проект орфографической реформы, также активно обсуждавшийся и осуждавшийся в совет-

Арутюнова Елена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры литературной критики Института масс-медиа Российского государственного гуманитарного университета, alen\_rus@mail.ru

ских СМИ. Разница состояла в том, что каталогизатором дискуссии 1960 гг. была публикация полного текста Проекта в газете «Известия»<sup>1</sup>, поэтому сторонники и противники орфографических изменений имели возможность вести предметный спор, обладая достоверной информацией о новых правилах. В начале 2000 гг. новый проект опубликован в прессе не был<sup>2</sup>. В связи с этим полемика изначально не основывалась на фактах, а информационным поводом для открытия дискуссии служили слухи о «готовящейся в коридорах власти и в недрах академической науки реформе русского правописания»<sup>3</sup>.

В 2000–2001 гг. пресса сообщала: «Об этом проекте ходят самые разнообразные слухи»<sup>4</sup>; «Упорно ходят слухи о языковой реформе»<sup>5</sup>. Слухи же, несмотря на усилия членов ОК, многократно интервьюировавшихся журналистами, переросли в устойчивые легенды и мифы об угрожающей русскому языку масштабной реформе. «Вот только беда, что волнение это питается фантазмами, которыми пытаются “разогреть” читающих и пишущих», – в ответ на публикации противников реформы замечает А.М. Молдован, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН<sup>6</sup>.

В данной статье рассматривается влияние СМИ на определение языковой политики государства и посредством ее – на жизнь языка. Для этого реальные предложения ОК сопоставляются с тем, как они были представлены и оценены в российской прессе первого десятилетия XXI в. В качестве источников используются «Российская газета», «Литературная газета», «Известия» и другие периодические издания.

В центре полемики – уже пугавшее общество на рубеже веков слово «реформа». Объект реформирования назывался разным. Сторонники изменений в правописании убеждали аудиторию в необходимости корректировать орфографию: «И вот век опять заканчивается намерени-

ем привести орфографию в соответствие со временем и здравым смыслом»<sup>7</sup>.

Их оппоненты рассуждали о пагубных последствиях для русской культуры «реформы грамматики» или даже «реформы языка»: «Но, так или иначе, до сих пор реформы были направлены на порчу графики и грамматики...»<sup>8</sup>; «Тихо и неумолимо движется реформа русского языка»<sup>9</sup>; «...Первая леди страны Людмила Путина на форуме “Лингвистическая политика в современной России” заявила, что сейчас не очень подходящее время для реформирования языка»<sup>10</sup>.

Члены ОК в ответ на упреки в том, что они планируют глобальные изменения в русском языке, пытались разъяснить: «...речи о реформе никогда и не велось, предлагалась лишь корректировка некоторых устаревших форм»<sup>11</sup>. По их мнению незначительные нововведения никак не могут изменить язык в целом: «Необходимо понимать, – сообщает «Российской газете» А.М. Молдован, – что орфография – это не язык и изменения в орфографии – это не изменения в языке. Орфография – некий условный способ передачи речи на письме. И от того, будет ли речь записана тем или другим способом, сама она не изменится...»<sup>12</sup>. Противоположная сторона, не приводя никаких аргументов, продолжала обсуждать именно «реформу языка». Однако примеров вторжения орфографистов в лексическую и грамматическую системы никто не привел.

Анализ перечня орфографических изменений показывает, что новые правила касались именно вопросов написания слов и морфем. При этом несколько нововведений действительно должны были связать орфографические и лексическо-грамматические явления. Так, предложение писать в причастиях и прилагательных, образованных от глаголов несовершенного вида, вне зависимости от других условий одну букву *н* ведет, как замечает Е.Н. Басовская,

к потере орфографических различий отглагольных прилагательных и причастий, а вследствие этого «мы лишаем язык одного из тонких и потому особенно изящных смысловых оттенков»<sup>13</sup>.

Новое правило должно было послужить причиной перехода нескольких слов из класса омофонов в разряд полных омонимов: *конченная (работа) и конченный (человек), считанные (ложки) и считанные (минуты)* – в соответствии с новым Сводом в обоих случаях необходимо писать одну букву *н*.

Еще одно орфографическое правило, как можно предположить, затронуло бы грамматику – это изменение написания окончаний существительных на *-ий, -ия*, имеющих односложную основу, например: *кий, змий, Бия, Ия*. В соответствии с Правилами 1956 г. требовалось писать *о кии, о змии, о Бии, об Ии*. Предложение ОК – разрешить писать в таких словах преобладающее в практике письма окончание *-е*. Данное орфографическое изменение никак не отразилось бы на фонетике: фонетическое окончание осталось бы неизменным.

Таким образом, следует признать справедливым, что претензии к лингвистам, которые якобы стремились подменить «великий и могучий» «упрощенным языком»<sup>14</sup>, были некорректны. Хотя полностью отрицать влияние новых правил на язык, утверждая, что «орфография не имеет отношения к естественной жизни языка»<sup>15</sup>, тоже нельзя.

Еще одним спорным аспектом полемики было само слово «реформа». Члены ОК и их сторонники пытались убедить своих оппонентов в том, что количество и характер предлагаемых нововведений не позволяют считать принятие нового Свода реформой. «Нет, речь идет лишь о новом своде орфографических правил, который к тому же еще не принят и даже не опубликован. Изменений в написании тех или иных слов будет не так уж много, в основ-

ном это сугубо частные случаи», – подчеркивает В.В. Лопатин<sup>16</sup>. Об этом же говорит А.М. Молдован: «...То, что мы подготовили, ни в коем случае нельзя называть реформой. Это прежде всего приведение старых действующих правил в соответствие с особенностями современного языка»<sup>17</sup>.

Однако именно понятие реформы орфографии было ключевым в дискуссии и именно этим словом пользовались обе стороны (хотя сторонники изменений – реже). Например, в одном из интервью, опубликованном в «Российской газете», и интервьюер – филолог Ю.А. Сафонова, и интервьюируемый – председатель ОК – пользуются словом «реформа» для обозначения предстоящих преобразований в правописании: «Вы подчеркиваете, что упрощение правописания не было самостоятельной целью предлагаемой реформы», – реплика Ю.А. Сафоновой; «В то же время “Троица” и “Пасха”, например, обязательно должны писаться с большой буквы – здесь реформа более чем уместна»<sup>18</sup>, – отвечает на один из вопросов В.В. Лопатин. Читатели газет, положительно воспринявшие предложения ОК, также употребляют слово «реформа»: «Кажется мне, что реформа, направленная на упорядочение орфографии, уменьшение исключений из правил, унификацию орфографии, актуальна»<sup>19</sup>.

Осмысляя ход и результаты полемики о несостоявшейся «реформе русской орфографии», В.Г. Костомаров делает вывод, что употребление этого ключевого слова самими лингвистами было тактической ошибкой: «Не надо было эти изменения правил называть реформой»<sup>20</sup>.

М.А. Кронгауз, выбирая наиболее точную номинацию для последствий введения нового Свода правил, пишет: «Считать ли их [изменения. – Е.А.] достаточно значительными, чтобы называть реформой, или нет – вопрос скорее символический, ведь никакого строгого определения реформы не существует. Тем не менее, на

мой профессиональный взгляд, это именно реформа правописания...»<sup>21</sup>.

Действительно, определить, сколько изменений и какого качества следует признать достаточными для наименования их реформой, затруднительно. Но попробуем сопоставить некоторые цифры, дающие представление о реальном количестве планировавшихся преобразований.

Раздел орфографии Правил 1956 г. содержит 124 параграфа. В списке орфографических изменений упоминалось 29 параграфов, в которые предполагалось внести изменения.

В ходе дискуссии о необходимости корректировать правила правописания не раз проводили параллели с реформами орфографии в Германии и Франции 1990 гг. Так, в одной из статей, посвященных языковой ситуации в Германии, приводятся такие цифры: «Из 212 старых правил новый свод сохраняет лишь 112»<sup>22</sup>. То есть, если сравнивать формально, то получается, что в Германии предлагалось переписать почти половину правил, в России – значительно меньше (29 из 124).

Следует отметить, что восемь измененных параграфов были посвящены одному вопросу – правилу переноса слов с одной строки на другую, а в девяти – планировалось скорректировать лишь отдельные пункты или примечания. Возможно, именно с учетом этого бывший в то время министр образования РФ В.М. Филиппов заявил, что «изменения коснутся 0,1 процента правил русского языка».<sup>23</sup> Сами члены ОК, убеждая общество в незначительности предстоящих изменений, не приводили тем не менее никаких числовых данных.

Однако вопрос о кардинальной трансформации не может основываться лишь на количестве параграфов. Рассмотрим, какого рода изменения они содержали. Лингвисты, отстаивая отечественную традицию, которая, по их мнению, заключается именно в периодической корректировке

правописания, утверждали, что «некоторые правила пришли в противоречие с практикой – люди сами исправляют их на более рациональные»<sup>24</sup> что «предполагается некоторое упорядочение орфографической практики в тех случаях, на которые правила 1956 года не распространяются»<sup>25</sup>.

Четырнадцать измененных параграфов закрепляли написания, которые сложились на письме во второй половине XX в. вопреки Правилам 1956 г., или написания, не зафиксированные в Правилах. К ним относятся следующие:

- 1) написание слова *разыскной*;
  - 2) правило о написании окончаний в существительных с односложной основой на -ии, -ия;
  - 3) правило об усечении одной из удвоенных согласных основы перед суффиксом -к: *Алка, Кирилка, финка, колонка*;
  - 4) правило о написании прилагательных, образованных от личных имен, например *вальтерскооттовский*;
  - 5) правило об употреблении заглавной буквы в названиях, связанных с религией;
  - 6) правило об употреблении заглавной буквы в названиях должностей и титулов;
  - 7) правила переноса слов с одной строки на другую (8 параграфов).
- Изменение одного из правил сводилось к пополнению списка частями слов, вошедшими в словарный состав языка в последние десятилетия, – начальными компонентами, таким, как *аэро-, авиа-*.
- Посчитать слова, которые должны были писаться по-новому, затруднительно. Отметим лишь, что значительную группу должны были составить страдательные причастия прошедшего времени и соотносительные с ними прилагательные, а также сложные прилагательные. В 11 параграфах новые написания предполагали охватить малочисленные группы – от одного слова до десяти.

В прессе было высказано мнение, что понятие реформы включает в себя изменения не только значительные по количеству, но и качественные: «...реформа предполагает изменение каких-то основ»<sup>26</sup>.

Основы орфографии – это ее принципы. Энциклопедия «Русский язык» отмечает: «Принципы орфографии – наряду с типом письма (звуковым, слоговым или иным) и составом его знаков – являются одним из важнейших признаков, характеризующих ту или иную национальную орфографию... Орфографические правила – это обобщающие предписания, конкретизирующие орфографические принципы»<sup>27</sup>.

Сторонники корректировки правописания отрицали какое-либо влияние новых правил на принципы графики и орфографии. Ю.А. Сафонова спрашивает об этом В.В. Лопатина: «Нарушают ли новые правила основные принципы русской орфографии?» – «Нет, ни в коем случае. Мы сохраняем исторически сложившиеся основы русского письма. В радикальных изменениях русская орфография не нуждается»<sup>28</sup>, – отвечает он. Однако лингвисты не стремились в обращениях к обществу через центральные издания разъяснить, что это за «основы», которые останутся неизменными.

Обратимся снова к Перечню изменений, чтобы определить, как соотносились новые правила с действующими принципами русской графики и орфографии. Критиками реформы был отмечен один факт отступления от «основ» орфографии: «Другим станет принцип слитного-дефисного написания сложных прилагательных. На смену действующему ныне смысловому принципу придет формальный», – пишет Е.Н. Басовская. Это изменение не отрицается и «реформаторами»: «Таким образом, меняется принцип написания сложных прилагательных...: семантико-синтаксический принцип (характер отношения основ, составляющих сложное слово) заменяется формально-

грамматическим. Семантический критерий остается определяющим лишь в двух группах сложных прилагательных – обозначающий оттенки качества (преимущественно цвета и вкуса) и отношения стран, языков, народов и т.п.»<sup>29</sup>.

Одно из нововведений касалось слитного-раздельного написания наречий. Представляется, что предложение писать 12 наречий слитно, а не раздельно тоже несколько меняет соотношение принципов – уменьшается число традиционных написаний (хотя и очень незначительно) и увеличивается количество слов, пишущихся по лексико-синтаксическому принципу.

Поскольку центральным разделом русской орфографии является ряд правил обозначения звуков (точнее – фонем) буквами, то следует признать, что новый Свод не должен был затронуть ядра орфографической системы русского письма.

Напротив, некоторые новые правила могли ликвидировать отступления от принципов русской графики и орфографии.

Отмена написания буквы *й* перед сочетанием *-ер* в нарицательных существительных, например: *конвейер*, *фейерверк*. Употребление буквы *й* признается избыточным, так как после гласных в соответствии с правилами русской графики буква *е* сама обозначает звук [й] в сочетании с последующим гласным.

Правило о замене буквы *ю* на *у* в словах *брошюра* и *парашют*. Это нововведение вызвало сильнейший резонанс в средствах массовой информации, несмотря на то что именно написание *ю* в этих словах нарушает принципы русской графики. Однако именно *брошюра* и *парашют* стали символом новой реформы (как злополучные *заец* и *огурци* в 1960 гг.), исключительно о новом графическом облике этих слов, как о чем-то совершенно невозможном, принципиально важном и существенном для русской культуры, писали возмущенные антиреформаторы<sup>30</sup>.

Увеличение числа типов слов, в которых должен писаться разделительный *ъ*. К существующим написаниям лингвисты считали необходимым добавить сложные слова без соединительной гласной и сложносокращенные слова, первый компонент которых заканчивается на согласный, а второй начинается на *е, ё, ю, я*, то есть писать *артъярмакка, детьясли, инъяз*. Существующие написания без *ъ* противоречат позиционному принципу русского письма.

Устранение неоговоренного исключения из правил 1956 г. – написания *розыскной*. Выбор гласных *о* и *а* в приставке *раз-* (*роз-*) подчинен фонетическому принципу русской орфографии. Безударное *о* противоречит этому принципу.

Распространение слитного написания на все существительные с первой частью, совпадающей с формой повелительного наклонения глагола, например: *перекати-поле, не разлей вода*. Лексико-синтаксический принцип, регулирующий слитные, раздельные и дефисные написания, а также аналогия с одноструктурными словами (*держиморда, вертишейка*) подсказывают выбор слитного написания этих слов.

Приведение к единообразию названий органов власти, учреждений, обществ, политических партий и т.п., а также названий должностей и титулов и подчинение их написаний единому – семантическому принципу: писать в именах собственных только первое слово с прописной буквы. Неотмененные правила 1956 г. подчиняются принципу, который можно назвать идеологическим: *Министерство иностранных дел СССР, но Советская Армия и Военно-Морской Флот, президент США, но Председатель Совета Министров СССР*.

Анализ публикаций, посвященных новой «реформе русской орфографии», показывает, что проект орфографических изменений не был адекватно отражен в центральной прессе. Лингвисты, видимо, стремились не перегружать широкую ау-

диторию специальной теоретической информацией и потому сообщали лишь об отдельных нововведениях, максимально упрощая аргументацию. При этом в материалах специалистов каждый раз отмечалось, что авторы разъясняют лишь некоторые новые правила. Подобный характер публикаций, а также отсутствие полного перечня планируемых изменений с достаточно подробными и понятными нефилологам аргументами давали повод подозревать ОК в попытке серьезно реформировать не только правописание, но и язык в целом. Более того – орфографистов обвиняли в попытке действовать втайне от общественности. М.В. Горбаневский в интервью РГ признал, что провал реформы связан с недостаточностью информации, предложенной обществу: «Нужно было разъяснять людям, о чем идет речь»<sup>31</sup>.

Таким образом, полемика была сведена к вопросу о принципиальной необходимости реформирования письма. Обсуждение конкретных предложений ОК на страницах центральных изданий не состоялось, хотя многие участники дискуссии понимали: «О всякой реформе нельзя говорить “вообще”. Можно говорить и обсуждать только конкретные положения предлагаемой реформы, иначе теряется смысл... в дискуссии о реформировании русского языка, если подавляющее большинство не знает о том, какие же собственно реформы предлагаются»<sup>32</sup>.

Сопоставление реальных предложений ОК, отражения их в прессе и реакции на них широкой публики в средствах массовой информации позволяет сделать вывод о том, что «мифы о реформе», которые оспаривались лингвистами, все-таки не были совершенно безосновательными, и общественности, часто в лице людей, не имевших специальной лингвистической подготовки, удалось найти, скорее интуитивно, некоторые «слабые места» новой орфографической концепции.

Представляется важным, что именно широкое обсуждение проекта реформы в СМИ, пусть даже не всегда корректное, дало возможность участникам дискуссии, в том числе профессиональным филологам, осознать значение общественного мнения, важность диалога между оппонентами в решении, как вначале казалось, узкоспециального вопроса. И уже в 2002 г., когда основной накал страстей вокруг реформы ослаб, в прессе начинают появляться материалы, свидетельствующие об осмыслении лингвистами произошедшего. Например, А.М. Молдован сообщает: «Мы выслушали массу замечаний и пришли к выводу, что никаких, даже самых мельчайших изменений в существующий Свод правил вносить не стоит»<sup>33</sup>. В.Г. Костомаров отмечает,

что «общественная дискуссия о “реформе” орфографии показала, что изменения не должны быть глубокими»<sup>34</sup>.

Представление, сформулированное учеными, об орфографии как «социальном установлении», нормы которого в силу их общеобязательного характера должны утверждаться не только соответствующими научными, но и государственными органами<sup>35</sup>, теперь не может считаться полным. Социальный характер правописания не сводится только к обязательной процедуре утверждения на законодательном уровне. Важным, если не важнейшим, оказывается готовность общества к изменению орфографии и пунктуации.

\* \* \*

<sup>1</sup> Предложения по усовершенствованию русской орфографии // Известия. 1964. № 228. С. 3-4; № 229. С.3-4.

<sup>2</sup> Новые правила были опубликованы небольшим тиражом в сб. «Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. (Проект)». М., 2000.

<sup>3</sup> Великий и могучий // Известия. 2001. № 145. С. 6.

<sup>4</sup> Рыбкин П. Наступит ли «ночь» без мягкого знака: [Интервью с В.В. Лопатиним] // Российская газета. 2000. № 155. С. 9.

<sup>5</sup> Вронский Ю. Так все же: «Униженные и оскорбленные» или «Униженные и оскорблённые»? Несколько предложений к языковой реформе // Литературная газета. 2001. № 12. С. 7.

<sup>6</sup> Молдован А.М. Правописание с пробелами // Российская газета. 2000. № 208. С. 25.

<sup>7</sup> Максимова Э. Как будем писать завтра? [Интервью с С.М. Кузьминой, Л.Л. Касаткиным, С.В. Волковым] // Известия. 2000. № 69. С. 11.

<sup>8</sup> Вронский Ю. Больной не ведает, что болен // Литературная газета. 2001. № 30. С. 7.

<sup>9</sup> Ахременкова Л. За или против: Черным по белому наотмашь // Российская газета. 2001. № 88. С. 24.

<sup>10</sup> Новоселова Е. Парашют на переправе не меняют: [Интервью с А.М. Молдованом] // Там же. 2001. № 93. С. 6.

<sup>11</sup> Там же.

- <sup>12</sup> Молдован А.М. Указ. соч.
- <sup>13</sup> Басовская Е. Реформа орфографии... плюс варваризация всей страны // Школьное обозрение. 2001. № 1. С. 40.
- <sup>14</sup> Максимова Э. «Вся власть над языком – народу» [Письмо читателя и интервью с В.В. Лопатиным] // Известия. 2001. № 14. С. 6.
- <sup>15</sup> Иванова-Гладильщикова Н. Реформы орфографии не будет! // Там же. 2001. № 27. С. 8.
- <sup>16</sup> Рыбкин П. Указ. соч.
- <sup>17</sup> Молодцова Д. Правописание: возможны варианты?: [Интервью с А.М. Молдованом] // Российская газета. 2001. № 45. С. 8.
- <sup>18</sup> Сафонова Ю. Указ. соч.
- <sup>19</sup> Как это будет по-русски // Известия. 2001. № 145. С. 6.
- <sup>20</sup> Новоселова Е., Ячменникова Н. Язык в законе. В каком? [Материалы дискуссии, в которой участвовали: В.Г. Костомаров, М.Л. Ремнева, Л. Чернейко, А. Алексеев, К. Бичелдей, М. Королева] // Российская газета. 2002. № 112. С. 9.
- <sup>21</sup> Кронгауз М.А. Жить по «правилам», или Право на старописание // Новый мир. 2001. № 8. С. 129.
- <sup>22</sup> Вайнманн У. Новая немецкая орфография // Известия. 2001. № 145. С. 6.
- <sup>23</sup> Реформа орфографии русского языка начнется не скоро // Там же. 2002. № 091. С. 3.
- <sup>24</sup> Максимова Э. Как будем писать завтра? // Там же. 2000. № 69. С. 11.
- <sup>25</sup> Гохман М. Указ. соч.
- <sup>26</sup> Иванова-Гладильщикова Н. Указ. соч.
- <sup>27</sup> Иванова В.Ф. Орфография // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. С. 303.
- <sup>28</sup> Сафонова Ю. Указ. соч.
- <sup>29</sup> Перечень предлагаемых орфографических изменений с комментариями // Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. (Проект). М., 2000 // <http://www.gramma.ru/KOL/?id=4.5>
- <sup>30</sup> Например: Максимова Э. Вся власть над языком – народу // Известия. 2001. № 14. С. 6. Иванова-Гладильщикова Н. Реформы орфографии не будет! // Там же. 2001. № 27. С. 8.
- <sup>31</sup> Агранович М. Цена слова: [Интервью с М.В. Горбаневским] // Российская газета. 2002. № 76. С. 30.
- <sup>32</sup> Как это будет по-русски // Известия. 2001. № 145. С. 6.
- <sup>33</sup> Новоселова Е. Указ. соч.
- <sup>34</sup> Новоселова Е., Ячменникова Н. Указ. соч.
- <sup>35</sup> Иванова В.Ф. Указ. соч.